

{numeration}

Был государь, у ево — один сын. Государь стал стар. Сыну женитсы надо. С шести цясов вечера не велел дуть огня никому по городу. Ён пошёл сам выбирать невесту. Весь город прошёл — по приказанию ево, ни у ково огоньков не было. По загороду, в онной избушке увидел огонёк. Подошёл под окошко и слушает, што тут говорят. Сидят три девицы и го́лцят. Одна большуха говорит: «Меня бы государь взял замуж, я бы ево онной горбушкой все войско прокормила!» А другая говорит: «Меня бы взял, я бы все войско и одела!» А третья говорит: «А я бы в трех брюхах принесла девять богатырей — по колена ноги в серебре, а по локоть руки в золоте, по косицам цасты звездоцьки, а в затылке светлой месяц, а во лбу красное солнышко!» Ён пришёл домой и рассказывает своему отцу, а отец на ответ сказал ему: «Как хочешь! Я век прожил, а тебе жить, тебе и владеть ею. Которую возьмешь, ту и ланно!»

Вот ён подумал и согласилсе эту взять, которая принесёт девять богатырей. А эта была доцька неронная, у ней была мацеха тут. Вот как государь взял ю, ей не понравилось. Она была волшебная. Прошло время с год, она обрюхатела, цяревна; дошло то время, што родить, а осударя сделалось там собрание на цюжих людях, ево на собрание потребовали. Ён волшебную тётеньку оставляет с ей. Ён уехал, а она вскоре и родила, принесла трех сынов. Этих мальчиков старуха обрала, а ей подложила трех шшенков. Потом отписала государю туды, што твоя жена родила, принесла не трёх богатырём, а трёх шшенков. А государь отписал ей, ково бы не принесла, а до меня никуды не девать. Государь приехал и подумал, што-нибудь случилось. Не бранил, не казнил, ницево ей не сделал.

Потом она опять обрюхатела вскоре, и опять то время подошло, штобы ей родить, и ево опять потребовали. Как только ён уехал, она вскоре же и родила, и принесла опять вскоре трёх богатырёв. А старуха взяла трёх богатырёв, а подкинула трёх шшенков; а сама опять государю отписала, што родила твоя жена не трёх богатырёв, а трёх шшенков. А государь отписал ей: «Што бы не принесла, а до меня никуды не девать». Государь приехал, стал спрашивать ею, што такое случилось. «Без памяти была, ницево не помню!»

Прошло несколько время, и опять понесла брюхо. То время подошло, как родить, ево опять потребовали. Ён только уехал, ёна и родила и кое-как с силами собраласе, онново сына под пазуху убрала, а двух бабка унесла и подкинула двух шшенков, и отписала государю, што родила твоя жёна двух шшенков. А ён отписал, што ково не родила, а до меня никуда не девать. Приезжает домой, и входит сенод; заявляет сеноду: «Што мне делать с женой? Обещала принести девять богатырей, а принесла восемь шшенков!» Царьская фамилия ни казнитсы и не виситсы. Все, которые обсудили, так и сказали ему,

што сделать смолёная дубовая боцька и нагнать железныя обруця, посадить ею́ в эту железную боцьку и спустить на море.

Вот боцьку волцёт волнам, толкает по морю. А сын у ей растёт не по дням, а по цясам. Прошло несколько время. Сын просит: «Прикажи, маменька, я расправлюсь, тесно стало!» А мать говорит: «Погоди, дитя, потонем!» Потом ён в другой раз стал ей говорить. Боцьку выкинуло совсем на песок, а мать ему говорит: «Бог тебя благословит!» И ён расправилсе — боцька лопнула. Вышли на́ берег, приюту никакого нет. Цюёт в стороне стук. «Я пойду, мамка, туды, што там за шум такой!» Вот пришёл туды. Бесы делят шапку-невидимку и сапоги-самоходы, и топор-саморуб, и скатерть-самобранку. «Што вы тут делаете?» — «Подитко, говорят, добрый целовек, роздели нам вешши!» И ён натянул лук и положил четыре жеребья. «Вот этот жеребий на шапку-невидимку, этот на сапоги на самоходы, а этот на топор-саморуб, и четвёртый на скатерть-самобранку». И спустил все четыре жеребья выше лесу стоящего, выше оболка ходяцево.

Бесы бросились за жеребьям, а ён взял эти вешши и пришёл к матере. Скатерть-самобранку роскинули. Пить и ись, што душа подынет. Попили, поили и поотдохнуть легли. Мать уснула, а ён вышел с топором-саморубом и сказал ему: «Вычисти этот остров глаже доски столовой и поставь мене дом, и принеси мне ключи от дома утром!» Ен лёг спать, а топор-саморуб за свою роботу принялсы. Утром рано стаёт с матерью, а топор-саморуб ключи подаёт от дома. Вот пришли они в дом и стали пировать, жить-пировать тут

Долго ли, коротко ли жили оне, и едут корабельшики. Увидел ён этих людей и закричал им: «Господа корабельники, зайдите, пообедайте, поотдохните!» Привалили к берегу, вышли обедать на́ берег к нему. Роскинули скатерть-самобранку. Пить и ись, што хочешь. Они не только пьют и едят, сколько на ево глядят. Оне вошли на три цяса, а просидели трое сутки. Благодарили за хлеб, за соль и отправились. А ён сапоги-самоходы и шапку-невидимку — и сзади за им на корабь. Корабельшики подъезжают к царству, осударь их не допустил далёко и встретил, и спрашивает: «Не видали ли шатушшей боцьки на́ море?» — «Видели, говорят, диво-дивное и цюдо-цюдное! Мы раньше проезжали этим местом, дак стоял остров вёрст на пятнадцать, а теперь вырублен, и сделано место как столовая доска. Поставлен дом семь раз краше и баршше вашево. В этом доме молодець: по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицям цясты звездоцьки, а во лбу красное солнышко». Цяря за серьеце шшелкнуло. А старуха подвернуласе и сказала: «Это што, говорит, за диво-дивное и цюдо-цюдное! Вот как через тридевять земель в тридесятом царстве есть

молошная река — сахарные берега».

Этот повернулсы молодец и отправилсе. Взял и говорит: «Пеки, мамка, попутников, я завтра пойду!» Матка напекла пирожков. Ён утром встал, сапоги-самоходы обул, шапку-невидимку и топор-саморуб взял и отправилсы. Пришел на эту реку и говорит ей: «Пойдём, говорит, со мной! Полно тебе этто жить!» — «Нет, я не могу итти с тобой!» — река отвецает. «А когда ты со мной не можешь итти, так, топор-саморуб, руби её!» Топор-саморуб вывернулсы, а ёна ему взмолилась: «Не тронь, говорит, я пойду!» Вот и пошла с им. Приходит ён домой. Время около обеда. Корабельшики опять едут. Ён зовёт их опять таким же манером. Оне пришли к ему. Ён вынес скатерть-самобран на́ берег, где бежит молошная река — сахарные берега. Вот оне усились тут и думали посидить только три цяса, а просидили шесть дён. Благода́рили за́ хлеб, за соль — и на корабли, поехали к этому же государству. А ён обул сапоги-самоходы, надел шапку-невидимку и взади за ним. Оне к царьству подъезжают, а осударь их встречает. А этот молодец тут и есть. Осударь стал спрашивать: «Господа корабельшшики, не видали ли шатушшей боцьки?» А корабельшики отвецают: «Не видали, говорят. А видели только диво-дивное и цюдо-цюдное! Стоял остров на пятнадцать вёрст и теперь выщищён глаже столовой доски; поставлен дом семь раз краше и баршше вашево, и кругом этово дома молошная река — сахарные берега; молодец сидит — по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицям цясты звездоцьки, а в затылке светлый месяц, а во лбу красное солнышко». А эта старая подвернулсе и говорит опять: «Это што за диво-дивное и за цюдо-цюдное! За тридевять земель в тридесятом царьстве вот есть диво! Стоит дуб, а в этом дубу́ ходит кот, вверх идёт — писни поёт, а вниз идёт — сказки сказывают».

Этот молодец повернулсы и домой. Приезжает к матери и говорит ей: «Пеки, говорит, попутницьков, а я завтра в дорогу пойду!» Мать напекла попутников. А ён утром стаёт, надевает сапоги-самоходы, шапку-невидимку, берёт топор-саморуб и отправилсы в дорогу. Вот сошёл через тридевять земель в тридесятое царство. Приходит в сад.

В саду этом нашёл дуб, взял кота, принёс домой, посадил, где проходит молошная река — сахарные берега. Около обеда едут корабельшики. «Оспода корабельшики, зайдите пообедать!» Оне вышли. Он вынес скатерть-самобран, где молошная река, раскинул на берег, и эти корабельшики сели обедать. Садились только на три цяса, а просидели до девять дён. Попили, поели и отправились на корабли́. А этот молодец обул сапоги-самоходы и надел шапку-невидимку — и за ними. Корабельшики подъезжают к тому царьству, в котором и раньше приставали. А осударь встретил их ешшо раньше тово и спрашивает их: «Не видали ли вы шатушшей боцьки на́ море?» Оне сказали, што боцьки мы не видали, а видели только диво-дивное да цюдо-цюдное. А раньше

проезжали мы этим местом стоял остров на пятнадцать вёрст, а топерь как столовая доска сделано это место и поставлен дом семь раз крашше и баршше вашево дворьца. Созвал молодець нас обедать по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицям цясты звездоцьки, а в затылке светлый месяц, а во лбу красное солнышко, где молошная река — сахарные берега; и стоит дуб, где ходит кот вверх идёт — писни поёт, а внизу идёт — сказки сказывает». Эта волшебница подвернулась: «Это што, говорит, за диво! За тридевять земель в тридесятом цярьстве есть диво! Есть восемь богатырей: по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицям цясты звездоцьки, в затылке — светлый месяц, а во лбу красно солнышко. Вот это, говорит, диво!»

Этот молодець выслушал эти слова, с корабля долой и отправилсы домой. «Маменька, говорит, я своих братьей нашёл!» — «Где вы, говорит, нашли их?» — «За тридевять земель в тридесятом цярьстве! Пеки, говорит, попутников, я с утра пойду за их!» Матка напекла девять пирожков. Ён и отправилсы. Взял эти пирожки и пошёл. Взял десять фунтов пряников. Пришёл за тридевять земель в тридесятое цярьство. Робятишек толпа на улице; ну, их давай пряникам дарить, разузнавать, где эти молодьцы живут. Робята глупы, довели ево. Потом ён пришёл в эту избу, где они живут. А в это время их дома не было. Положил пирожки на стол, а сам сел на печьку, надел шапку-невидимку. Поглядит — а братья и идут. Пришли братья и говорят между собой: «Севодни пороботали, слава Богу. Давай, говорит, собирай обедать!» Обернулись на стол и увидели пирожки. «Это вооткуды, братья, Бог послал нам? Давай, бери по пирожку!» Взяли по пирожку, один остаётся. Потом оне одумались: «Што же, у нас ешшо брат есть! Не пришёл ли он от матери? От ково-нибудь ведь мы родилисе? Ежели ты, брат, здись, то выходи! Будь нам старший брат!» Ён слез с печьки и снял шапку-невидимку, и поздоровалсы с ними. Съили по пирожку и отправились домой. Пришли к матери. Упали ноги ей, просили прошенья, а мать просила их, што «Простите меня, я без памяти была, когды вас взяли от меня».

Опять господа корабельщики едут. Вышли все девять молодьцов на улицу и закричали: «Господа корабельщики, зайдите пообедать!» Не столько пьют и едят, сколько на их глядят, а от их жар горит. Оне хотели посидить три цяса, просидели двенадцать дён. Стали, благода́рили за́ хлеб, за соль и поехали на кораблях. А этот молодець надел сапоги-самоходы и шапку-невидимку и отправилсы за ним сзади. Государь не допустил их далёко до дому и спрашивает: «Господа корабельщики, не видали ли где шатушшей боцьки на́ море?» — «Не видали! — говорят. — А видали цюдо-цюдное, диво-дивное! Поставлен дом, семь раз краше и баршше вашево. Кругом этово дома молошная река — сахарные берега, и на этом берегу поставлен дуб, по дубу ходит кот, вверх идёт — писни поёт, а вниз идёт — сказки сказывает; и сидят девять молодьцов: по колена ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицям цясты звезды, а в затылке свитлый мисяц, а во лбу-то красно солнышко». А государь сказал им в ответ: «Это дити мои!» А старуха не могла на этот вопрос ницево ответить. Молодець постоял тут, видит, ницево нету от нее, и отправилсы домой.

Приехал домой, и позно вецером выходит на парадное крыльце и наказывает топору своему: «От моего моста, говорит, и до батюшкова моста сделай мост калиновый, переводины малиновые и убей сукном всяким разным, и насади древ, всяких разных древ, и нагонь птиц, всяких разных соловьев, и заставь, чтобы пили оне, и около девяти цясов утра подай шесть лошадей нам в карите!» Вутром встают, умываются. Эти молодьцы удив-ляются. Брат зовёт их: «Поедемте, братьцы, за папашей!» — «А где, говорят, наш папаша?» — «А вот, говорит, я свезу вас!» Сили все девять человек, и поехали за отцом. Отец увидал издаль, вышел и пал на колени, стал просить прошенья у детей, а дети просили у ево. Подняли ево с полу, пошли в дом. Много ли, мало ли время пировали. Потом эту волшебную старуху на воротах росстреляли. А сами отправились к матери с отцом со своими и топерь там живут, хлеб жуют.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Григория Ефимовича Медведева](#) в дер. Тереховы-Малаховы Мишутинской области.

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **ВСС 707** [Чудесные дети](#)

{/spoiler}